

Посвятенко Ю. В.

ОСОБЕННОСТИ ТРУДА И БЫТА ФАБРИЧНЫХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. И ИХ СВЯЗЬ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 145-149. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

витие СМК влечет за собой создание информационного общества, расширение границ виртуального мира, способствует увеличению получаемого объема информации, ее психологического воздействия на человека, манипулирования его сознанием.

Уровень современных СМК определяет новое информационное состояние мира в условиях глобализации, приводит к стиранию традиционных границ между различными народами, нациями, странами; создает единое информационное поле планеты, делая каждому человеку доступным весь массив информации в любой точке земного шара. Вместе с усилением роли СМК актуализируется и вопрос об их использовании в целях информационной манипуляции сознанием современного человека.

Таким образом, XX век открывает новую страницу в интерпретации мифа. Современная научная и художественная практика свидетельствует о том, что миф – это живое и актуальное явление. Мифологические сюжеты используются в литературе: в художественной прозе и поэзии, в искусстве, что позволяет осуществлять культурной преемственности и сохранять связи с культурным наследием прошлого.

ОСОБЕННОСТИ ТРУДА И БЫТА ФАБРИЧНЫХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. И ИХ СВЯЗЬ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Посвятенко Ю. В.

Московский государственный строительный университет

Пореформенная Россия представляет нам многочисленный материал, характеризующий демографические процессы в обществе. Одним из главных изменений социальной структуры было формирование рабочего класса или фабричных, чьи условия труда и быта, особое мировосприятие заметно отличалось от тех категорий населения, которые стали основой их формирования.

Рассматривая материалы по трем губерниям Верхнего Поволжья (Владимирской, Костромской, Ярославской) можно отметить, что значительный рост численности фабричных рабочих-текстильщиков здесь с 54 тысяч в 1866 году до 237 тысяч в 1913 году свидетельствовал о том, что их условия жизни существенно влияли на демографическую ситуацию в регионе. Динамика численности текстильщиков в регионе представлена в Таблице 1.

Таблица 1.

Численность работников х/б промышленности в Верхнем Поволжье

Годы	Владимирская губ.	Костромская губ.	Ярославская губ.	Итого
1866	49526	3312	1213	54051
1884	75939	19004	3508	98451
1897	75127	250255	9788	109940
1910	150026	61997	11710	223733
1913	160206	65059	12167	237432

В связи с этим, нам представляется, что изучение уровня жизни фабричного населения, особенностей их трудовой деятельности и условий повседневной жизни, может дать интересный материал для характеристики демографических показателей.

Согласно данным статистики в центральной России в этот период наблюдались снижение смертности и уменьшение рождаемости, за счет чего положительная динамика численности сохранялась [Миронов 2003: 191]. Что же способствовало этим изменениям, какие факторы определяющее влияли на демографическую ситуацию в регионе? Попробуем изучить это сквозь призму рабочей среды.

Если рассматривать возрастной состав, то здесь мы увидим картину, которая негативным образом влияла на здоровье работника, который с малолетства вовлекался в трудовую фабричную жизнь, пагубно сказывающуюся на его здоровье. Следует вспомнить, что картина в отношении малолетних заметно, хоть и не сразу изменяется после издания закона 1882 года, который запретил использование труда детей до 12 лет в производстве. Многочисленные источники отмечают, что его исполнение зависело от многих условий. Врач Приклонский, характеризуя фабрику В.Морозова в Орехово-Зуеве, отмечал, что дети здесь принимались с семи лет, а на сменные работы будто бы только с десяти.

Широкое применение труда малолетних и подростков, как до издания закона, так и после него объясняется многими обстоятельствами. Во-первых, текстильное производство не требовало большого числа квалифицированных работников, поэтому, используя их труд можно было экономить на заработной плате, которая традиционно составляла от 1/2 до 1/3 заработка взрослого рабочего, выполняющего тот же объем работ. Во-вторых, для многих семей фабричных, проживавших в условиях фабричных сел и городов и не утративших связь с землей, было выгоднее отправить на фабрику ребенка, чем мать семейства, которая не только вела хозяйство, но и, как правило, сдавала углы постояльцам-рабочим, что требовало дополнительных усилий по хозяйству и приносило значительный доход в семейный бюджет. В-третьих, в крестьянских и

рабочих семьях традиционно ребенок с малых лет вовлекался во все виды работ, послушно исполняя волю отца, и к 15-16 годам становился полноценным работником.

Таким образом, условия жизни рабочих семей в Верхнем Поволжье делали приобщение детей к фабричному труду выгодным для семьи и негативно влияли на здоровье, культурный уровень, психику подрастающего поколения, значительно сокращая «детский» период жизни, подталкивали к ускоренной социализации.

В тоже время, закон 1882 года и деятельность учрежденной позже фабричной инспекции постепенно вынудили большинство предпринимателей региона отказаться от применения детского труда и минимизировать труд подростков на предприятиях. Этот процесс затянулся на десятилетия, т.к. сами рабочие семьи стремились нарушить его разными путями: приписывали возраст в метриках за взятки, не предоставляли метрик вовремя, упраскивали принять на особых условиях и, наконец, использовали практику найма от рабочего. В этой связи, фабричный инспектор С. Гвоздев писал, что в Костромской губернии родители стремились поскорее пристроить детей на фабрику, не заботясь о здоровье и образовании [Гвоздев 1911: 135].

Особое место в исследовании демографических изменений в рабочей среде занимает изучение полового и семейного состава рабочих. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается постепенное увеличение доли женщин среди работников, занятых в хлопчатобумажном производстве региона. Если в 60-70 гг. XIX в. на фабриках трудились преимущественно мужчины, то в 80-х гг. по сведениям многих источников женский труд уже преобладал в отдельных видах производств, например, в ткацком. Согласно сведениям за середину 80-х гг. по России о прядильном и ткацком производствах женщины составляли уже 36,8% рабочих, а по трем губерниям Верхнего Поволжья - 42,1% (мужчин-57,9%) [Свод 1888]. При этом следует учитывать, что здесь не было учтено отделочное производство, где всегда преобладали мужчины. Доля же мужчин в отрасли региона в 1900 г. сокращается до 53,6%, в 1908 г. 48,3 %, а в 1913 г. - 43,5%. Соответственно численность женщин значительно увеличивается, к тому же статистика говорит нам об усиленном вовлечении в производство женщин репродуктивного возраста.

Таблица 2.

Процентное отношение рабочих-мужчин в х/б производстве Верхнего Поволжья в 1895-1914 гг. в %

1895 г.	1900 г.	1908 г.	1913 г.	1914 г.
59,3	53,6	48,3	43,5	40,7

Подобные изменения свидетельствовали о существенном изменении роли женщины и в производстве и в семье. Также они говорят и о том, и для женщин отходничество становится распространенным явлением, что, в конечном счете, отразилось и на семейных отношениях. Фабричные инспектора отмечали, что женщина становится более привлекательной рабочей силой, в то время как мужчину фабрика часто браковала, как беспокойный элемент [Гвоздев 1911: 37]. Пресса того времени отмечает, что, например, в Иваново-Вознесенске можно встретить удивительную картину, когда жена работает на фабрике, а муж ведет хозяйство и крестьянствует [Старый владимирец 1911]. В этих условиях традиционная для крестьянского сословия многодетная семья не могла существовать и эта ситуация негативно влияла на рождаемость.

В не меньшей степени на уровень рождаемости в рабочих семьях влиял и привычный уклад жизни семьи. Семейная жизнь складывалась у всех по-разному. Для этого периода был характерен постепенный переход от большой патриархальной семьи к малой. Эти изменения хорошо подмечены в выступлении на Торгово-промышленном съезде 1896 г. инженера-технолога А. Голгофского. Говоря о Норской мануфактуре в Ярославской губернии, он отмечал: «Здесь каждый, лишь только поступил на фабрику и заработал свой собственный грош, чувствует себя уже самостоятельной единицей. Мальчик 12-15 лет с этим грошем в кармане уже стремится подальше от семьи, а она не особенно убивается...» [Голгофский 1896: 2-3]. Такая ситуация вполне объяснима, т.к. фабричные заработки были для многих крестьян региона гораздо предпочтительнее и привлекательнее трудной жизни в деревне, благосостояния постоянно зависящего, в том числе, и от климатических условий.

По данным статистики удельный вес семейных рабочих-текстильщиков по стране был все-таки выше, чем по всем производствам-36% против 22% [Мейерович 1980: 159]. На первый взгляд это должно было благоприятно влиять на демографические процессы, однако далеко не все семьи имели возможность вести нормальную семейную жизнь, несмотря на наличие брака. Данные об этом мы находим в различных источниках, но наиболее полные в переписи 1897 г. Согласно им около 60% фабричного населения трех губерний состояло в браке, при этом значительная доля состоящих в браке жили отдельно от семьи. Данные по губерниям заметно различаются :

Таблица 3.

Показатели по занятым фабричным трудом, состоящим в браке и живущим отдельно от семьи

Территория	Мужчины, %	Женщины, %
Костромская губ.	77	65
Владимирская губ.	60	40
Ярославская губ.	43	22
Иваново-Вознесенск	68	56

Большой показатель в Костромской губернии объясняется не только значительным сохранением связей с землей, но и происхождением рабочих преимущественно из ближайших к фабрикам уездов своей и соседних губерний. Для них был характерен уход на фабрики на неделю и регулярное возвращение домой на выходные. Наиболее близки к ним показатели по крупному промышленному центру Иваново-Вознесенску. Во Владимирской губернии, где количество фабричных заведений, как в городах, так и в сельской местности было заметно большим, и учитывался крупнейший промышленный центр, сведения не являются показательными. Данные по Ярославской губернии свидетельствуют о другой ситуации, поскольку рабочие здесь часто появлялись из далеких мест, а условия были одними из лучших в регионе, то они стремились переселиться сюда семьями, чему способствовала социальная политика владельцев мануфактуры.

Определяющее значение в нормализации семейной жизни рабочих имели жилищные условия. На протяжении рассматриваемого периода эта проблема решалась по-разному для разных категорий рабочих. В 60-70-е гг. большинство рабочих жили в местности, где появлялось предприятие и, следовательно, это не могло отрицательно влиять на ситуацию. Однако с появлением пришлых из ближних сел и деревень местным пришлось потесниться в своих домах, предоставляя углы постояльцам. Во многих случаях чужаки спали прямо на рабочих местах, экономя заработанные деньги. С введением сменного режима работ подобная практика прекратилась, а предприниматели, решая кадровые проблемы, стали выплачивать пришлым рабочим «квартирный рубль» или строили фабричные казармы общего типа, в которых на сплошных нарах размещали для ночлега рабочих, чаще без различий пола и семейного положения. Семьи в таком случае отгораживали свое спальное место ситцевой занавеской. В этих условиях трудно, конечно же, говорить о возможности нормальной семейной жизни, тем более что и питание здесь, как правило, было организовано артельным способом.

Позже при фабриках стали устраивать отдельные казармы для мужчин, женщин и подростков, а также строить семейные казармы каморочного типа, хотя на единичных предприятиях это было и раньше. Но и здесь отдельная каморка даже при лучших условиях приходилась не на одну, а обычно на три семьи. Хотя рабочими это воспринималось как улучшение их положения.

Наиболее выдающимися в решении жилищной проблемы среди фабричных можно считать практику отдельных предпринимателей, которые способствовали строительству индивидуального жилья для своих работников, существенно помогая им не только беспроцентными кредитами, но и предоставлением дешевых строительных материалов и решением сопутствующих хозяйственных проблем. Среди них - Балины в Юже Владимирской губернии, И. Коновалов в Бонячках Костромской губернии [ГАИО ф.138].

Однако, рассматривая жилищные проблемы рабочих мы вынуждены прийти к выводу о том, что большинство занятых в городах и крупных фабричных поселках все же предпочитали проживать на частных квартирах, снимая комнаты, но чаще углы, а сначала рабочие из ближних уездов предпочитали казармы ежедневной ходьбе домой [Полищук 1995:29]. И, конечно же, местные работники, пускавшие к себе квартирантов в своих жилищных условиях, мало чем отличались от постояльцев.

Рассматривая жилищные проблемы нельзя не упомянуть и о санитарно-гигиенических условиях жизни того периода, которые существенно влияли на показатели заболеваемости и смертности. Практически во всех источниках рассматриваемого периода отмечается, что «...бросается в глаза крайняя скученность и переполненность казарменных помещений. В каморках площадью 25-30 кв. м повсеместно проживало по 14-16 человек. О чистоте и опрятности нечего говорить...»-отмечали санитарные врачи в отчете по Костромской губернии. «В одном помещении и больные и здоровые- ситуация страшная...» [Отчеты 1908].

Уровень потребностей рабочих в отношении санитарии был невысок. Это отмечал фабричный инспектор С. Гвоздев: «...рабочий не привык к чистоте». Особенно это было заметно в хозяйском жилье, т.к. в собственном все же было чище. Предпринимателям приходилось ужесточать правила проживания в казармах, угрожать выселением. Поэтому со временем минимальный порядок все-таки достигался [Гвоздев 1911:152].

Вопрос о медицинской помощи населению тоже существенно влиял на демографическую ситуацию региона и решался разными путями. Она стала оказываться благодаря деятельности фабрикантов и земств. Стимулом к ее развитию чаще всего служили эпидемические заболевания. Лучшая помощь оказывалась на крупных предприятиях региона. Это отмечалось на многочисленных съездах врачей, которые указывали, что на фабриках помощь оказывалась лучше, чем в земских учреждениях преимущественно из-за лучшего и большего финансирования. Деятельность врачей положительным образом сказывалась на здоровье населения, но отношение рабочих к ней из-за отсутствия действенных лекарств от наиболее распространенных болезней, например, туберкулеза, было неоднозначным. Более активное обращение к помощи врачей объяс-

нялось к началу XX века потребностью работников обосновывать причины вынужденного прогула по болезни для фабричной конторы, а также установлением степени утраты трудоспособности в результате несчастных случаев в связи с широким распространением страхования работников фабрикантами. В то же время современники отмечали, что доверие к знахарям и всякого рода врачевателям очень сильно в народе. В Иваново-Вознесенске одно время были очень популярны разные, в том числе и бродячие китайские целители [Владимирская газета 1906]. В целом медицинская помощь играла важную роль в поддержании здоровья населения, чья жизнь подвергалась многочисленным негативным влияниям.

Вместе с тем, повышенная заболеваемость ранняя смертность были вызваны не только проблемами жилищными, но и вредными условиями производства. Тот же А. Голгофский отмечал, что «...проезжая по любой нашей дороге и окидывая взглядом публику на станциях, невольно обращает на себя внимание группа людей, носящих на себе особый отпечаток. Это, во-первых, люди, одетые на свой особый манер... с неизменным пиджаком, фуражкой. Во-вторых, это люди, как правило, тощие, со слабо развитой грудью, с нервно бегающими глазами» [Голгофский 1896: 1]. Фабричный врач П.Воскресенский, характеризуя состояние их здоровья, писал, что рабочие это «вырождающаяся раса» [Труды 1911: 166]. В корреспонденциях про иваново-вознесенских рабочих отмечалось, что «...в праздничный день на улицах города встречаются люди, окрашенные в какой-либо цвет. Синего цвета - из кубового отделения, красновато-бардового - из запарки, сине-зеленого - из плюсовки. Краска практически въедается в кожу и не отмывается, она ядовита. Одежда не служит защитой. На этой работе рабочим дают лук, молока и клюквы» [Старый владимирец 1911]. Примечательно, что на такую работу обычно нанимались пришлые из дальних мест, т.к. местные шли на нее только в самой последней крайности.

В России до 80-х гг. XIX в. законодательства об охране труда не существовало. Позже по закону 1886 г. фабричными присутствиями создаются санитарные правила, выполнение которых проверяли немногочисленные фабричные инспектора. Появление правового поля, регулирующего отношения в этой сфере, внесло заметные улучшения в условия труда, но негативное влияние фабрик на здоровье все-таки было разрушающим и приводило некоторые категории работников к увечьям, тяжелым болезням и к ранним смертям. Самый большой показатель больных чахоткой выявлялся среди ткачей, среди граверов смертность была наивысшей среди рабочих отрасли [Протоколы 1885: 61]. Фабричные врачи отмечали, что чем моложе и неопытней работник, тем чаще он получал увечье, недаром статистика несчастных случаев велась с учетом возрастных категорий работников и подтверждала выводы врачей [Труды 1890: 268].

Вопрос об охране женского труда специально ставился в законах 1885, 1886 и 1897 гг. это привело к постепенной отмене повсеместных ночных работ и способствовало переходу к 9-ти часовым сменам. Однако они не касались санитарных условий их труда. Например, на Иваново-вознесенских фабриках вес навоев с основами, которые надо было устанавливать на ткацкий станок, достигал 3-4 пудов. Переносить этот груз с одного этажа на другой, устанавливать его на станок было непосильно и вредно для женщин, которые составляли большинство ткачей. Тем не менее, некоторые выполняли эти работы, другие нанимали для этого мужчин, а те рады были дополнительному приработку [ГАВО ф.266]. Подобные обстоятельства вредно сказывались на здоровье женщин, притом, что возраст большинства из них был от 20 до 39 лет.

Положение беременных женщин на фабриках чаще определялось обычаем. Практически на всех предприятиях региона уже в последней четверти XIX века им было разрешено за 2 недели до родов оставлять работу, а позже приступать к ней, правда, не всегда на своем рабочем месте. Однако «заботливое» владимирское присутствие по фабричным делам в 1888 г. разъяснило фабрикантам, что они «...в случае неявки более 2 недель сряду вследствие родов или беременности могли расторгнуть договор найма в одностороннем порядке, если данное условие было внесено в договор» [ГАИО ф.108]. Поэтому реальное положение вещей заставляло многих женщин трудиться на фабрике до родов и выходить на работу в кратчайшие сроки после них. Владельцы крупных предприятий практиковали широкий спектр льгот для беременных и кормящих матерей. Их переводили на легкие работы, на Ярославской большой мануфактуре продолжительность отпуска по уходу за ребенком могла составлять по желанию матери от 15 дней до 6 месяцев. На некоторых фабриках кормящим матерям предоставлялись дополнительные перерывы, но чаще этого не было. По воспоминаниям рабочих, часто «...женщины были вынуждены оставлять детей полуголодными. Во время отсутствия матери питание грудных детей состояло из пережеванного хлеба, баранки, завернутых в ветхую тряпицу, перевязанную суровой ниткой. Эту соску клали ребенку в рот, и если он ее выплевывал, то оставался голодным» [ЦХДНИИО ф.394].

В еще большей степени условия труда и быта влияли на численность и здоровье потомства фабричных работников. Смертность детей в фабричных селениях была самой высокой в регионе. Это подтверждают сведения земских и фабричных врачей, публиковавшиеся в отчетах съездов. Среди причин высокой смертности можно отметить и проблемы, порождаемые проживанием молодых семей вдаль от родственников и отсутствия возможности в рабочее время оставить ребенка с присмотром. Одни семьи оставляли своих малолетних детей на родственников или специально нанятых нянек из подростков-девочек, другие оставляли детей одних, подвергая их жизнь значительному риску. Эти причины фабричный врач П.Воскресенский считал существенными при изучении показателей смертности. Так, на Ярославской мануфактуре из 100 родившихся детей 65 умирало до года [Труды 1911: 168]. По данным за 90-е гг. XIX в., собранным владимирской губернской земской управой, исследовавшей уровень детской смертности в сельской местности и в фабричных центрах за семилетний период, наибольший процент смертности был в приходах с преимуще-

ственно фабричным населением-75,7%(у крестьян-65,1%). Из них 50,6% умирало в возрасте до года [Доклады 1898: 52].

В процессе исследования положения рабочих – текстильщиков Верхнего Поволжья в конце XIX-начале XX века мы остановились на тех существенных факторах, которые оказывали сильное воздействие на демографическую ситуацию региона. Отношение к ним преломлялось сквозь субъективное восприятие фабричным своего уровня жизни, характерных для данной социальной группы потребностей. Изучение условий труда и быта дают возможность делать выводы относительно важности и необходимости усиления роли государства, различных институтов общества и частной инициативы в улучшении демографической ситуации как в пореформенной России, так и в современной социально-экономической ситуации.

Список литературы

- Владимирская газета.** - Владимир, 1906. - № 6.
Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. - М., 1911. - С. 35.
Голгофский А. Современный фабрично-заводской рабочий в физическом, умственном и нравственном положении; причины поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к подъему его благосостояния // Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. - СПб., 1896. - Вып. V. - № 2. - С. 2-3.
Государственный архив Владимирской области. - Ф. 266. - Оп. 1. - Д. 827. - Л. 444.
Государственный архив Ивановской области (ГАИО). - Ф. 138. - Оп. 1. - Д. 767. - Л. 1, 8. - Ф. 366. - Оп. 1. - Д. 458. - Л. 6. Ф. 108. - Оп. 1. - Д. 98. - Л. 16.
Доклады Владимирской губернской земской управы очередному земскому собранию. - Владимир, 1898. - С. 52.
Мейерович М. Г. Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма // История СССР. 1980. - № 5. - С. 159.
Миронов Б. Н. Социальная история России. - СПб., 2003. - Т. 1. - С. 191.
Отчеты санитарных врачей Костромского губернского земства. - Кострома, 1908.
Полищук Н. С. Влияние жилищных условий на образ жизни текстильщиков в ЦПР // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие ЦПР России в конце XIX-начале XX вв. - М., 1995. - С. 29.
Протоколы третьего съезда земских врачей Владимирской губернии. - Владимир, 1885. - С. 61. ГАИО. - Ф. 38. - Оп. 1. - Д. 10. - Л. 20.
Отчет Иваново-вознесенского общества взаимопомощи фабричных граверов. - Иваново-Вознесенск, 1911. - С. 5.
Свод данных о фабрично-заводской промышленности за 1885-1887 гг. - СПб., 1888.
Старый владимирец. - Владимир, 1911. - № 273.
Старый владимирец. - Владимир, 1911. - № 28.
Труды VI губернского съезда врачей Владимирского земства. - Владимир, 1890. - С. 268.
Труды V съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии. - Ярославль, 1911. - Вып. 3. - С. 166-168.
Центр хранения документации новейшей истории Ярославской области. - Ф. 394. - Оп. 1 - Д. 19. - Л. 151-152.
Ярославская Большая мануфактура. - Ярославль, 1900. - С. 84.

НУЖНА ЛИ ЗАЩИТА ПРОЦЕССАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ?

Пфетцер С. А.

Кемеровский государственный университет

Глобализация как мировое явление зародилось в начале XX в., однако широкое распространение получило лишь во второй половине XX в. В 1990-х гг. оно уже развилось до поистине планетарных масштабов. Кому-то может показаться странным вопрос: «А нужна ли глобализации защита»? И в чем-то они будут правы, так как вопрос является скорее риторическим. Есть противники, есть сторонники, есть те, кто не относит себя ни к одному лагерю, но в то же время испытывает на себе все те блага и недостатки, что несут на себе глобализационные процессы.

При рассмотрении этого вопроса, необходимо учитывать один важный момент: является ли глобализация объективным или субъективным процессом. Если она объективный процесс, то защита ей в силу этой самой объективности не нужны, так как глобализация будет развиваться в любом случае. Однако если принять во внимание противоположный факт, что это субъективный процесс, то тогда ей, несомненно, необходимо иметь защиту на самых высоких уровнях политики и экономики, которые отстаивали бы ее точку зрения. Любое действие, как известно, рождает противодействие. Типичный пример в данном случае, это представители движения антиглобализма, активно выражающие свои позиции и особенно эмоции. После их «выражения позиции», большое количество стекол в городах оказываются разбитыми, а часть сторонников данного общественного объединения оказывается за решеткой, в связи с чересчур бурными проявлениями своих взглядов по отношению к проблеме глобализации.

С одной стороны их можно понять, так как глобализация ведет к стиранию чего-то особенного, присущего только конкретному народу, против чего, собственно, выступают антиглобалисты. Попытки создания единого языка, единого законодательства, стирание национальных границ в рамках ЕС, как наиболее яркого примера современной политической глобализации ведет к непониманию их глубинной сути, так как эти